

Сюзанна Франк

Литературный Институт (и Высшие литературные курсы) – интерфейс андерграунда? Случай Геннадия Айги

Вопрос о том, как связаны официальные литературные институции с развитием литературы неподцензурного андерграунда, меня интересует в контексте моего исследовательского проекта, посвященного Многонациональной Советской Литературе (в дальнейшем: МСЛ), который еще только развивается¹. Один из актуальных аспектов, достаточно освещенный в научной литературе, это – точки соприкосновения официальных институций и структур с андерграундом.

Одна из главных институций советской литературной жизни, это, без сомнения, Литературный Институт им. А.М. Горького, который был основан в 1933 году по идее Горького как Вечерний рабочий литературный университет и просуществует по сей день. О нем, о его роли как институции невероятно мало исследовательских работ. Что очень жаль, поскольку структура этой институции весьма специфична: эта синтетичная структура, которая соединяет функции и регламенты высшего учебного заведения, где студенты получают стандартное гуманитарное образование, и одновременно творческая структура, всегда предполагавшая некоторую свободу. Доля свободы менялась от эпохи к эпохе, от десятилетия к десятилетию. Но Литературный институт сохранял свою особенность: он был плавильным котлом, в котором происходили пересечения разных поколений, культурных опытов, в том числе национальных. В международном контексте Литературный Институт во время его основания был уникальным. Позже он служил образцом для целого ряда подобных заведений за границей, прежде всего в зоне советского политического влияния. В последнее время опубликованы документы и воспоминания, позволяющие реконструировать контекст и динамику культурной атмосферы².

Моя гипотеза заключается в том, что гигантская институциональная машина, с помощью которой удалось осуществить то, что называлось МСЛ, а иногда просто СЛ, наряду с жесткими формами коммуникации и системой моделирования и контроля

¹ Ср. мою статью Susi K. Frank, „Multinational Soviet Literature”: The Project and Its Post-Soviet Legacy in Iurii Rytkeu and Gennadii Aigi // *Postcolonial Slavic Literatures After Communism*, Dirk Uffelmann, Klavdia Smola (eds.), Berlin 2016, 191-219.

² Ср. напр. четырехтомник «Воспоминания о Литинституте» 2008-2013, Сергей Есин «Дневник ректора», 2004 или статью Бориса Никольского: Тверской бульвар, 25. <http://magazines.russ.ru/neva/2004/5/nik1.html>

литературного процесса породила также и незапланированные эффекты вне идеологического контроля и регламента. К ним относится, например, транснациональный андерграунд ... или практики перевода.

В поисках интерфейсов, я задумалась о Литинституте им. А.М. Горького, фабрике советской литературы, начиная с послевоенных лет и до перестройки, до середины 1980-х, которую прошли большинство авторов из всех регионов Союза. И для многих из них там состоялось первое знакомство с литературной жизнью столицы.

Любопытно проверить, являлись ли Литинститут и ВЛК пропуском, входом не только в официальную литературную жизнь, но и в андерграунд, а если да, то как пересекались эти пути, можно ли найти закономерности и правила или только обнаружить отдельные исключения, не характерные для общей картины?

Рассмотрим пока всего лишь один случай – случай Геннадия Айги.

О его поэзии последнее время довольно много написано – под редакцией А.П. Хусангай в Чебоксарах вышел сборник после конференции «Творчество Геннадия Айги: литературно-художественная традиция и неоавангард: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию со дня рождения народного поэта Чувашии Геннадия Айги»³; в 2015 г. вышла монография Sarah Valentine⁴, один из номеров *Russian literature* 2016 г. посвящен целиком Айги, где коллеги между прочим изучают интересный вопрос о транслингвализмах в поэзии Айги (Natalia Azarova⁵, Tomaš Glanc⁶). Их стоило бы рассматривать и в связи с многонациональной литературой.

В настоящей статье рассмотрим лишь биографические и институциональные аспекты карьеры Айги как поэта. Конечно, можно было бы довериться его признанию в одном из интервью: «Когда я учился в Литературном институте, я не столкнулся ни с кем из андеграунда»⁷... Но не все так просто.

Г. Айги не только с цензурой, но и с политическим преследованием как литератор столкнулся еще в юношеские времена в Чебоксарах, когда встречался с Василием Митта, чувашским поэтом, другом его отца, который отсидел 17 лет своей сорокадевятiletней жизни в советских лагерях. Как сказал Айги, Митта для чувашей

³ А.П. Хусангай (ред.), Творчество Геннадий Айги: литературно-художественная традиция и неоавангард: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию со дня рождения народного поэта Чувашии Геннадия Айги, Чебоксары 2009.

⁴ Sarah Valentine, *Witness and transformation: the poetics of Gennady Aygi*, Boston: Academic Studies Press.

⁵ Наталия Азарова, Многоязычие айги и языки-посредники // *Russian Literature* 79–80 (2016), 29–44. <http://dx.doi.org/10.1016/j.ruslit.2016.01.004> (08-08-2017)

⁶ Томаш Гланц, (Ино)странный язык поэзии Айги – проблемы и последствия транснационализма // *Russian Literature* 79–80 (2016), 13–27. <http://dx.doi.org/10.1016/j.ruslit.2016.01.003> (08-08-2017)

⁷ Геннадий Айги, Я – малевичанец. Беседа Ирины Врубель-Голубкиной с Геннадием Айги // *Зеркало* 25 (2005) (<http://magazines.russ.ru/zerkalo/2005/25/aig6.html>) (08-08-2017)

был как Шевченко для украинцев. Школьные годы Айги описал в уже процитированном интервью Ирине Врубель-Голубкиной: «Я тогда уже четко знал, о чем можно говорить, а о чем нельзя. И еще я осознавал, что существует другой мир – мир города и огромной культуры»⁸.

И сам отец Айги являлся объектом преследования, но не как автор, а как руководитель колхоза. После того как он отсидел год в трудовом лагере, семья переезжала с места на место, из края в край, пока отец не погиб на войне.

В Литинститут Геннадий Айги (еще под фамилией Лисин) поступил в год смерти Сталина, в 1953 году, как раз тогда, когда там открыли и программу Высших литературных курсов. Одной из однокурсниц его была Белла Ахмадулина.

Туда его порекомендовал народный поэт Чувашии Педер Хузангай, который хвалил молодого поэта за то, что в его стихах ему удалось соединить два чувашских диалекта в один гармоничный образной язык:

«В образной форме, – подчеркнул Хузангай, – даётся единство двух чувашских наречий – анатри и вирьял, искусственно разделяемых в своё время местными националистами; а на деле эти диалекты легли оба в основу единого литературного языка, продолжающего в наше время этот своеобразный синтез»⁹

Вячеслав Огрызко в фонде РГАЛИ нашел еще один любопытный отзыв об Айги, в котором отмечается оригинальность его посвящений Сталину.

Много лет спустя, вспоминая это время, Айги сказал, что до поступления в Литературный институт он немного знал из (современной) поэзии... а то, что он знал, знал не из школы, а случайно обнаружил у соседей. Так например большой том Маяковского, который в сорок восьмом нашли мальчишки из соседней деревни у одного из них в доме. Этот том Айги назвал самым сильным впечатлением юных лет. Благодаря этому первому импульсу, он стал подражать Маяковскому.

Лисин занимался в семинаре у Михаила Светлова, еврейского поэта из Днепропетровска (наст. фамилия Шейнкман), известного целому поколению оттепеля своим юмором, своими афоризмами и своей честностью. В 1920-е Светлов работал в Харькове и был исключен из комсомола, но, наверное, спас свою жизнь тем, что он сочинил «Гренаду»; тем, что вовремя переехал из Украины в Москву – хотя он там в

⁸ Айги, там же.

⁹ Цит. по Вячеслав Огрызко, Вознесший чувашскую поэзию на мировой уровень: Геннадий Айги – поэт протеста // Архив: №06. 17 февраля 2017 <http://www.litrossia.ru/item/9720-voznjosshij-chuvashskuyu-poeziyu-na-mirovoj-uroven-gennadij-ajgi-poet-protesta> (08-08-2017)

1937 тоже находился в крайней опасности; а также тем, что он, хотя и был поклонником Маяковского, все-таки работал в более традиционном стиле.

Геннадий Лисин приносил на семинар не стихи, а подстрочники. Некоторые сначала переработали в стихи его коллеги Ахмадулина, Евтушенко и Рождественский. Но потом Светлов решил, что подстрочники Лисина – по сути, уже готовые стихи.

Первое время, когда Айги учился в Москве, у него еще было немного знакомых. Из коллег по Литинституту Айги упоминает Айна Ахметова, башкирского поэта, писавшего на русском. Главные знакомства у него произошли не сразу, а позднее – прежде всего вне института. Со временем Айги вошел в кружок «книжечеев» в Ленинке и оттуда он попал в библиотеку ВГИКа, где было посвободнее. Там он начинал читать Ницше – и испытал чувство второго рождения, инициации. О первом опыте чтения Ницше Айги сказал: *«тут я понял, что отныне знаю самое главное и ничто меня не собьет, я самостоятелен»*¹⁰. С тех пор он продолжал читать и заниматься теми авторами, которые официально были недоступны в СССР: прежде всего Кьеркегором и Кафкой.

В 1957 года на Литинститут начались гонения: партийный функционер, первый секретарь Советского райкома партии Москвы Почерников обвинил в идеологической неустойчивости трёх заведующих кафедр – Павла Новицкого, Тамару Мотылёву и Валерия Кирпотина, а также Александра Исбаха, Михаила Светлова, Илью Сельвинского, Евгения Суркова и нескольких других руководителей творческих семинаров. Вызвали недовольствие Почерникова и произведения некоторых студентов – Беллы Ахмадулиной, Галины Арбузовой, Юнны Мориц, Юрия Панкратова, Михаила Рощина и Ивана Харабарова. Однако с выводами райкома партии не согласился тогдашний ректор Литинститута Серёгин, пожаловавшийся на проверяющих в отдел культуры ЦК КПСС, и уже в марте 1958 года по просьбе руководителей этого отдела Поликарпова и Рюрикова три секретаря ЦК – Екатерина Фурцева, Отто Куусинен и Пётр Поспелов предложили Почерникову существенно снизить градус критики в отношении творческого вуза и его преподавателей и студентов. Однако Почерников успел добиться главного: он вселил в немалую часть коллектива Литинститута страх. Впоследствии Лисин/Айги, учившийся тогда на пятом курсе, стал одной из первых жертв повышенной бдительности.

Когда Лисин/Айги весной 1957 г. подавал (рукопись) стихов «Завязь» (точнее, подстрочные переводы этой книги) для защиты диплома, преподаватель-критик Валерий Дементьев подверг его критике за формализм и настаивал на том, чтобы

¹⁰ Айги в выше процитированном интервью Ирине Врубель-Голубкиной, (<http://magazines.russ.ru/zerkalo/2005/25/aig6.html>) (08-08-2017)

диплом молодого чуваша 12 марта 1958 года был вынесен на обсуждение комитета комсомола Литинститута. Огрызко приводит отдельные высказывания из стенограммы обсуждения:

«В.Семернин: Лисин со своим выдуманном одиночеством стал ещё плохим человеком. Это очень плохой друг, плохой человек. Он себя не уважает, он ползает в ногах у девушки...

Воробьёв: ...Я мало знаком с творчеством Лисина... Кто-то заикнулся насчёт талантливости Лисина. Талантливость в наши дни – относительная вещь... Он очень плохой комсомолец, ему не место в комсомоле...

В.Дементьев: ...Подстрочник у него очень хорошо выполнен. Это меня насторожило. Здесь сочетаются эротические мотивы с «тяжёлым растягиванием тела» и т.д. ... Судя по отдельным отрывкам, он талантлив, но эта талантливость, кроме вреда, ничего не даёт...

В.Фирсов: Бесспорно, что Лисин талантлив. Бенедиктов был талантливым, но погиб на формальной стороне своего творчества... Беспочвенные стихи. Если там есть, что можно ощутить, то это ощущение омерзительно. Всюду у него мясо в стихах. На добрую партию людоедов хватит...»

В стенограмме (она случайным образом стала известна в начале 1990 года, когда в Литинституте решили подчистить архив и многие бумаги подготовили к сожжению во дворе вуза, но любопытные студенты успели какие-то документы вытащить из огня и передать их в редакцию журнала «Огонёк») написано также и об участии других преподавателей: В. Савельева, А. Власенко, М. Светлова, Н. Сергованцева и В. Журавлёва. Большинство проголосовало за исключение Лисина из комсомола. В решении комитета комсомола было сказано: «За написание враждебной книги стихов, подрывающей основы метода социалистического реализма».

Айги срочно представил на кафедре второй вариант диплома: рукопись другой своей книги – сборник стихов «Именем отцов», которая была написана во время учёбы на первом и втором курсах. Но и в этом он промахнулся. Дементьев его опять сильно критиковал, говорил об «удручающем впечатлении», которое производят его подстрочники, и взбесился его тягой к прошлому, к архаике. Не помогло Айги в этой ситуации, ни то, что другой молодой бунтарь – Роберт Рождественский представил в институт девять страниц переведённого им из «Завязи» фрагмента, ни то что главный его учитель, Михаил Светлов, письменно рискнул вступить за него. Светлов призывал своих коллег по кафедре «за сумбуром разглядеть мечущийся молодой талант». «А то, что Геннадий Лисин очень талантлив, – заявил Светлов, – для меня не представляет никакого сомнения. И не надо пугаться и, главное, не надо пугать. Молодёжь будет всегда метаться. Надо поэта тихо и осторожно (так, чтобы он подумал, будто он это совершает добровольно) выводить на настоящую правильную дорогу» цитирует Светлова Огрызко по

документам (РГАЛИ, ф. 632, оп. 1, д. 1845, л. 94). В своём отзыве Светлов сообщил, что не так давно Лисин принёс ему свои новые стихи и что он, если б было у него время, непременно бы их перевёл. А в конце поэт выдал свой прогноз: *«Повторю – его [Лисина] круговерть пройдёт, и он станет любимым поэтом не только чувашского народа. Я абсолютно верю в него»*. (цит. по Огрызко)

Однако, Лисин/Айги не сдавался: и в том смысле, что он еще в 1958 году откровенно поддерживал репрессированного в связи с Нобелевской премией Пастернака (ср. воспоминания об этом его тогдашней жены Ирины Ракша в «Литгазете». 2008. № 47), и в том смысле, что он весной 1959 снова вышел на защиту. Между тем он успел перевести на чувашский и поэму Твардовского *«Василий Теркин»* (что принесло ему и материальный успех в виде хорошего гонорара, который ему позволил переехать в хорошую московскую квартиру, но его имя как имя переводчика на обложке не указали). На этот раз Лисин в качестве диплома представил большую подборку стихов на чувашском языке и подстрочники двух новых циклов: *«Музыка на всю жизнь»* и *«Шаймурзинские стихи»*. И вдруг оценки преподавателей кардинально поменялись. Даже старые рецензенты Жаров и Дементьев его поддержали, подчеркивая, что *«Лисину удалось преодолеть чуждые влияния, излечить душевный надлом, проявившийся в недавних, печально-известных в нашем институте стихах»* (Жаров, РГАЛИ, ф. 632, оп. 1, д. 1846, л. 58). *«Вполне возможно, – пишет Огрызко, – что на руку ему сработал и конфликт между руководством Союза советских писателей и ректором Литинститута, обострившийся после исключения из Союза писателей Пастернака»*. В любом случае, итоги второй защиты диплома Айги подвёл Всеволод Иванов, являющийся в это время председателем государственной экзаменационной комиссии. 3 апреля 1959 года Иванов написал: *«Рецензенты смутно говорят о каких-то ошибках Лисина в прошлом и что ошибки эти Лисин исправил. Я не заметил каких-либо ошибок в представленных стихах Лисина»* (РГАЛИ, ф. 632, оп. 1, д. 1846, л. 59).

В итоге Айги стал официальным выпускником Литинститута, но билет комсомола не вернули и сложный опыт института не остался без следов. После того как он опубликовал первый сборник стихов на чувашском еще в 1958 году в Чебоксарах, ему уже невозможно было опубликовать свои произведения ни на чувашском, ни на русском языке, на который он перешел по окончании института. Только его антологии – переводы (французской и русской поэзии на чувашский) могли выйти в советское время.

Для формирования его личности как поэта стало важным, в первую очередь, знакомство с Б.Л. Пастернаком. С Пастернаком он познакомился в Переделкино, где

находилось и общежитие Литинститута. Встреча произошла в 1957–1958 гг., когда сам Пастернак стал жертвой преследований в связи с присужденной ему Нобелевской премией...

Пастернак открыл молодому поэту свою библиотеку. Айги нашел там многое, прежде всего то, что невозможно было найти официально в библиотеках.

Не исключено, что Айги мог найти, например, стихотворения Поля Элюара, которое он цитирует в эпиграфе к своему дипломному сборнику «Завязь», написанному в 1957–1958 годах то в Мытищах, то в подмосковном Переделкино. Но этот факт требует уточнения.

Город отдыхает ныне вечером...

На площади Бастилии прощаемся:

«Неужели пойдёшь задачки решать?»

Мальчиков влечёт независимость,

Мы искали её,

Когда были вместе.

Другая встреча – с композитором Андреем Волконским, который познакомил Айги с французским языком и поэзией, произошла только после того как он окончил Литинститут. (Всеволод Некрасов предполагал, что их познакомил Михаил Гробман в 1959 году). У него Айги выучил французский и начал переводить с французского. Волконский ему рассказал также и о Лианозове, дал адрес Оскара Рабина, и Айги поехал туда. «С этого момента, – говорил Айги, – в моей жизни началась новая эпоха». Он познакомился с Александром Васильевым и его женой, с художником Владимиром Яковлевым и другими. Всех их как поклонников Хлебникова и авангарда он назвал «моими братьями по духу».

Тот же Андрей Волконский содействовал в трудоустройстве Айги, который так и остался без комсомольского билета. Айги в интервью очень смешно рассказывает, как они через Св. Рихтера, через его жену, Нину Дорлиак, «которая хорошо относилась к Айги», и через знакомую Рихтера, сотрудницу музея Маяковского, нашли ему место именно там.

В музее произошло знакомство с Николаем Харджиевым, поэтом, переводчиком, критиком, центром кружка оставшихся авангардистов и модернистов и владельцем крупнейшей коллекции рукописей и оригинальных произведений начиная с Малевича и кончая Маяковским – и не только.

Как пишет В. Амурский, Харджиев также помогал Айги с французской поэзией и в работе над антологией французской поэзии, который Айги запланировал на чувашском языке и которую ему удалось опубликовать только семь лет спустя в Чебоксарах.

Работая с 1961 г. в музее Маяковского, Айги смог пользоваться *«лучшей библиотекой того времени – начиная с 10-х годов и до 30-х»*, мог спокойно читать теоретические труды Малевича, которые решающим образом помогли ему определить сущность своей поэзии (как искусства организовать / конструировать пространство).

В следующие годы Айги сблизился с неподцензурными поэтами – Станиславом Красовицким, Леонидом Чертковым и Валентином Хромовым, с одной стороны, и Игорем Холиным, Генрихом Сапгиром, впоследствии Всеволодом Некрасовым. Связи с ними сохранились до поздних 1980-х.

Но Айги никогда не отказывался от возможности публиковать свои произведения в официальных изданиях. Его нельзя рассматривать однозначно как автора самиздата и неподцензурной литературы. Однако до самого конца СССР поэт мог публиковать их только за границей. Начиная с 1960-х он публиковался в западных журналах, а в 1975 году вышел первый его сборник собственных стихов на русском языке в Кёльне под редакцией Вольфганга Казака.

Подводя некоторые итоги, можно сказать, что с андерграундом, так же, как и с тем искусством и той литературой, которые стали для него ориентиром, Айги познакомился не благодаря и не вопреки учебе в Литинституте, а наряду с ним, либо по причине вовлеченности преподавателей в критические дискуссии о литературной политике, либо по (тоже не совсем случайной) причине непосредственного пространственного соседства и более или менее случайного совпадения событий – как в случае с Пастернаком. Можно предположить, что контакты с андеграундом возникли не с помощью коллег или преподавателей Литинститута. Роль Светлова еще требует отдельных разысканий и уточнений¹¹.

Литинститут был для него вступительным билетом в литературную жизнь столицы во всех ее измерениях.

В результате Айги определился как поэт, который своим своеобразным сочетанием авангардизма и архаизма резко отличался от других представителей не только многонациональной советской литературы, но и советской и русской поэзии его

¹¹ Благодарю Елене Наумовну Пенскую за информацию, что к поэзии Светлова с интересом относились лианозовцы, Всеволод Некрасов отмечал разговорную песенность его стихов, речевую раскованность и органичность, повлиявшую на поколение молодых поэтов-шестидесятников.

времени в целом. Хотя и можно воспринимать его поэзию как типичное проявление авангардистского примитивизма (с Хлебниковым сопоставляли Айги уже не раз), но и для того, чтобы рассматривать его творчество как весьма своеобразный вариант той же многонациональной советской литературы, есть причины:

- переход на русский, который кардинально изменил ситуацию: Айги перестал писать по-чувашски, а потом даже перевести свою поэзию на чувашский;
- рассмотрение русской литературы не только как ворот в европейскую, но как составную ее часть;
- деятельность как посредника между региональной литературой и европейской и мировой;
- самостилизация как автора с корнями в архаической культуре и работа с местной мифологией в сочетании с формами и поэтикой европейского модернизма – начиная с фамилии «Айги» и объяснения ее семантики (что весьма похоже на то, как выбрал и объяснил Рытхэу, представитель советской литературы чукчей, свое имя/фамилию!)

Но тем не менее в сопоставлении с МСЛ разница при всех параллелях – обусловленных официальными институциями и структурами – более чем очевидна прежде всего на уровне поэтики. На уровне самоопределения / позиционирования невозможно причислять Айги к одной из сторон: вместо того чтобы позиционировать себя или на стороне МСЛ и концепта «единства в многообразии» (Ломидзе 1957, 1960), или на стороне продолжителей русского авангарда, то есть или на стороне официальной, или на стороне неподцензурной литературы, Айги своеобразно определил свою позицию как позицию принципиального отчуждения от всех сторон.

Как мне кажется, одно из его первых стихотворений, «Завязь» (термин из морфологии растений), эту позицию весьма хорошо проиллюстрирует:

*«пускай я буду среди вас / как пыльная монета оказавшаяся / среди шуришащих
ассигнаций / в шелковом скользком кармане: / звенеть бы ей во весь голос / да не с чем
сталкиваться чтобы звенеть»*

Таким образом, феномен Айги можно воспринимать и как исключение, как уникальный случай, но и как эффект советских институций. Классифицировать его очень трудно, но если попытаться, то, может быть, как представителя того, что вслед за Кафкой и Делезом и Гваттари мы называем «маленькой литературой». Но это – уже тема для еще одной статьи.